

ДЕМОКРАТИЯ И ИСЛАМИЗМ В АРАБСКИХ СТРАНАХ (АЛЖИР, ТУНИС, ЕГИПЕТ)

Процесс демократизации в арабо-мусульманском мире в целом и в странах Северной Африки в частности является важным элементом мировой политики. От результатов этого процесса во многом зависит дальнейшая интеграция арабо-мусульманской цивилизации и ее самоидентификация в системе мировых цивилизаций. Может ли демократия развиваться, в том числе на основе мусульманской культуры и в мусульманском обществе, где исламские морально-этические нормы, традиции и обычаи являются образом жизни большинства населения? В какой степени принципы демократии коррелируют с исламизмом, который в той или иной форме присутствует практически в каждой арабской стране? Не претендуя на всеобъемлющие ответы, попытаемся ответить на эти вопросы, проанализировав социально-политическую ситуацию, сложившуюся в начале XXI в. в Алжире, Тунисе и Египте, т.е. в тех арабских странах, где результаты демократизации государственно-политической системы наиболее ощутимы и где в то же время существенным образом проявилось себя исламистское движение.

Принципы демократии как государственно-политического устройства общества разрабатывались многими философами и общественно-политическими и государственными деятелями. Одной из наиболее распространенных в современных западных социально-политических исследованиях является концепция французского политолога и общественно-политического деятеля А. де Токвиля (1805–1859), согласно которой демократия — это не только определенная форма организации общества, но и соответствующий процесс, происходящий в нем. Философской основой демократии и в то же время одним из вопросов, дискус-

сии по которому продолжают до сих пор, является соотношение свободы и равенства граждан как социально-политических ценностей. Видные социологи XX века, такие как Д. Шумпетер и У. Ростоу, дополнили и уточнили концепцию А. де Токвиля, подчеркнув, что все эти черты развитой демократии наполняются реальным содержанием только в условиях сложившегося гражданского общества, то есть при активном и осознанном участии граждан в общественно-политической жизни.

Еще один важный фактор — религию, играющую существенную роль в формировании определенной формы социально-экономической системы, в частности западно-европейской, — отметил известный философ и социолог XX в. М. Вебер (1864–1920). Он выделял роль христианской, а именно протестантской религии в становлении западно-европейского капитализма и соответствующей ему «хозяйственной этики» («коренящиеся в психологических и прагматических религиозных связях практические импульсы к действию» [Вебер 1994: 43]). Данный фактор наряду с другими способствовал формированию определенного менталитета, стиля взаимоотношений между людьми и соответственно развитию современного западного гражданского общества и присущего ему демократического государственно-политического устройства.

Исламизм, или политический ислам, то есть использование ислама в политических целях, представляет собой в большей степени политическое явление и, по определению видного отечественного исследователя Р.Г. Ланда, «есть определенная стадия социополитического развития мира ислама, последовавшая вслед за панисламизмом XIX в. и национализмом первой половины XX в.» [Ланда 2006: 157]. Исламизм выражает идеологию исламистского движения, лозунгом которого является: «Ислам есть решение» и приверженцы которого ратуют за создание «исламского государства», построенного на основе «вечных и справедливых» законов Корана, в котором восторжествует «исламская социальная справедливость». Исламизм в то же время является

направлением в арабской общественной мысли, отражающим стремление определенной части общества в арабских странах сохранить свои исторические традиции, религию, культуру, то есть национальную самоидентификацию в условиях вызовов современного мира, прежде всего — процесса глобализации.

Исламизм имеет умеренное и радикальное направления. Умеренный исламизм существует практически во всех арабских странах либо в форме политических партий, либо в виде общественно-просветительских или благотворительных организаций, выступающих за сохранение «исламских ценностей». Радикальный исламизм, или исламо-экстремизм, представлен фундаменталистскими группировками, провозглашающими вооруженный джихад как единственный путь построения исламского государства. Их лидеры оправдывают свои террористические акции, в частности, против тех арабских режимов, которые, по их заявлениям, являются «тираническими и неверными», также ссылаются на суры Корана, где правители, «которые не судят по тому, что ниспослал Аллах, те — законопреступники» (Сура «Трапеза» — 5:49). Причем радикальные исламисты причисляют к «неверным» и умеренных исламистов, которые не разделяют их концепций.

Исламизм как интегральная часть общественно-политической жизни, естественно, влияет на демократические процессы, происходящие в исследуемых в данной работе арабских странах. Это влияние имеет свои особенности в силу конкретных социально-политических условий и исторических традиций каждой страны. Между тем в нем прослеживаются некоторые общие закономерности.

Алжир, отказавшись в конце 1980-х годов от политики социалистической ориентации, приступил к широкой демократизации социально-политической и экономической жизни страны. В этой связи необходимо подчеркнуть, что период конца 1980-х — начала 1990-х годов в Алжире характеризовался таким уровнем политической свободы, который не имел аналогов в арабском мире.

Правительство распустило чрезвычайные суды государственной безопасности, разбиравшие дела политического характера, и отменило систему так называемых «синих карточек» [Долгов 2004: 32] — анкет, которые заполнялись гражданами, баллотировавшимися на выборные должности, и затем визировались службой безопасности. В 1989 г. была принята новая конституция и законодательные акты, в соответствии с которыми создан двухпалатный парламент, введена многопартийность, свободные альтернативные выборы на всех уровнях, формировалась свободная пресса.

Одновременно с поистине грандиозными демократическими преобразованиями социально-экономическая ситуация в Алжире в этот период ухудшалась. Продолжался рост цен, в том числе на продукты и предметы первой необходимости, прогрессировала инфляция и девальвация алжирского динара. Острейшими проблемами оставались жилищный кризис и безработица, которая в 1989 г. охватила более 20 % трудоспособного населения (среди молодежи до 25 лет этот процент был еще выше). Жизненный уровень значительной части населения снижался, что провоцировало усиление социальной напряженности в обществе.

В условиях нарастания системного кризиса и на волне демократизации в алжирском обществе возникло и получило широкое распространение массовое исламистское движение «Исламский фронт спасения» (ИФС) во главе с видными исламистскими лидерами Аббаси Мадани и Али Бенхаджем. Легитимный приход к власти исламистов, за представителей которых на муниципальных и парламентских выборах в 1990–1991 гг. проголосовало почти 50 % избирателей [Willis 1997: 394], предотвратило вмешательство армии. Это, в свою очередь, привело к радикализации исламистского движения, экстремистские силы которого развязали многолетнее вооруженное противостояние с властями (1992–1999 гг.), и поставило страну на грань гражданской войны.

Однако алжирское руководство сумело, с одной стороны, подавить радикальных исламистов, с другой — инициировать процесс восстановления гражданского согласия. Президент Абд аль-Азиз Бутефлика, переизбранный в 2004 г. на второй срок (на президентский пост вместе с ним претендовали еще пять кандидатов), тогда же выдвинул программу, определившую основные направления экономического, социального и политического развития Алжира до 2009 г. и направленную, в том числе, на закрепление демократических преобразований. Программа, ставящая перед собой достаточно амбициозные цели, среди которых разрешение жилищного кризиса¹ и существенное сокращение безработицы, представляет собой важный шаг в дальнейшем развитии алжирского общества. Предусматривается, в частности, завершение новой редакции гражданского, уголовного и семейного кодексов и претворение в жизнь «Национального плана по соблюдению прав человека», принятого парламентом в 2003 г.

В начале XXI в. внутривнутриполитическая ситуация в Алжире значительно стабилизировалась по сравнению с 90-ми годами XX в., когда целые районы страны находились под контролем радикальных исламистов. Большинство алжирцев и политического истеблишмента страны поддерживают правительственный курс. Наиболее влиятельными фракциями в парламенте (Национальной народной ассамблеи — ННА), входящими в правительственную коалицию, являются представители партий «Фронт национального освобождения» (ФНО) и «Национально-демократическое объединение» (НДО), которые обладают подавляющим большинством мест в ННА — соответственно 199 и 48 из общего числа депутатов 388.

¹ В настоящее время в Алжире не хватает примерно 1,3 млн единиц жилищ. В то же время, согласно программе, к 2009 г. должно быть построено почти 1 млн единиц жилищ [Аль-барнамадж 2005: 10].

Алжирские умеренные исламисты, которые, согласно их заявлениям, разделяют демократические принципы, достаточно полно представлены в ННА: тремя политическими партиями. Две из них — «Движение общества за мир», имеющая 38 депутатских мест и руководимая Бугеррой Солтани, и «Возрождение», обладающая одним местом (во главе ее стоит Ляхбиб Адами), входят в правительственную коалицию и поддерживают президентский курс. Необходимо отметить также, что сам руководитель «Движения общества за мир» (ДОМ) Бугерра Солтани и два члена его партии являются министрами в нынешнем алжирском правительстве и эффективность их работы (согласно рейтингу, определяемому президентом) оценивается довольно высоко [Jeune Afrique 2006: 85].

Третья партия — «Движение за национальную реформу» (ДНР), завоевавшая 43 места в парламенте и возглавляемая видным исламистским лидером Абдаллой Джабаллой, — состоит в оппозиции правительственному курсу. В программе ДНР не фигурирует пункт о создании исламского государства (использование религии в политических целях запрещено алжирской конституцией). Тем не менее ДНР выступает против правительственной программы широкомасштабной приватизации, ратует за сохранение «мусульманских морально-этических норм», требует проведения социально-ориентированной экономической политики и усиления борьбы с коррупцией и преступностью. ДНР является наиболее многочисленной и достаточно влиятельной исламистской партией. Наряду с 43 местами в парламенте, ДНР имеет большинство депутатских мест более чем в ста *бальдийях* (областных выборных органах власти) из общего числа в 1539.

В Алжире действует также радикальное течение исламизма, которое представлено в основном двумя вооруженными группировками — «Салафитская группа для проповеди и борьбы» (СГПБ) и «Вооруженные исламские группы» (ВИГ). Они насчитывают в своих рядах, по разным оценкам, от 650 до 1 тыс. бое-

виков [Jeune Afrique/L'Intelligent 2003: 54]. Причем ВИГ в настоящее время распались на несколько враждующих группировок, а их бывший лидер отказался от вооруженной борьбы. В то же время СГПБ², возглавляемая «национальным эмиром» (полевым командиром) Абд аль-Ваххабом Друкделем и базирующаяся в основном в горном районе Большой Кабилии (300 км к востоку от г. Алжира), продолжает террористические акции. Наиболее известными из них стали нападение в апреле 2006 г. на автоколонну на юго-востоке Алжира (700 км к югу от г. Алжира), перевозившую алжирских таможенников, в результате которой погибло 13 человек, а также два взрыва в алжирской столице 11 апреля 2007 г., повлекшие за собой гибель около 30 человек, около 200 было ранено.

Тем не менее можно констатировать, что алжирскому руководству удалось подавить радикальный исламизм, который уже не представляет собой (как это было в середине 1990-х годов) угрозы для существующего режима и способен совершать лишь отдельные террористические акты. Наряду с этим умеренный исламизм интегрируется в государственно-политическую систему, в которой идет процесс демократизации.

В **Тунисе** проходили в достаточной степени схожие с алжирскими социально-политические процессы. Тем не менее здесь не было длительного вооруженного противостояния радикального исламизма с властями. Однако Тунис во второй половине 80-х годов XX в., как и Алжир, переживал социально-экономический и политический кризис. Чтобы понять причины кризиса и последовавшего за ним подъема исламизма, необходимо провести некоторый ретроспективный анализ и отметить, что тунисское общество после завоевания страной независимо-

² Салафитская группа для проповеди и борьбы после объявления ее «национальным эмиром» Друкделем о присоединении к Аль-Каиде в конце 2006 г. изменила название и теперь называется «Аль-Каида исламского государства Магриб».

сти испытало радикальную секуляризацию, какой не знала ни одна другая арабская страна. По инициативе первого президента Туниса Хабибы Бургибы (1903–2000) был принят «Кодекс гражданского состояния», который оценивается тунисскими историками как «революционный закон, круто изменивший традиционный уклад, положивший начало женской эмансипации и являвшийся социально-правовой реформой с долговременными и необратимыми последствиями» [Видясова 2005: 405].

Наряду с такими впечатляющими успехами в социальном развитии общества Тунис демонстрировал довольно стабильный рост экономики — 7,1% среднегодового прироста ВВП в 1980-е годы. Однако основная часть получаемой в условиях экономического подъема прибыли перераспределялась внутри привилегированной прослойки крупного и среднего бизнеса, имевшей связи с правящей политической группировкой, в то время как уровень жизни большинства населения оставался достаточно низким. В Тунисе нарастало социальное напряжение, чему способствовало также то, что престарелый восьмидесятилетний президент Хабиб Бургиба (провозглашенный в 1975 г. пожизненным президентом) уже не контролировал ситуацию в стране, чем пользовались для личного обогащения члены его семьи и приближенные к ним кланы.

Сложную социально-экономическую ситуацию использовало быстро набравшее силу исламистское движение, выдвигавшее известный лозунг создания исламского государства. В 1980-х годах в Тунисе сформировалась организация «Исламская группа», трансформировавшаяся затем в исламистскую политическую партию «Движение исламской направленности», впоследствии переименованную в «Возрождение». Ее председателем стал известный (также за пределами Туниса) идеолог исламизма Рашид Ганнуши, закончивший философский факультет Тунисского университета и получивший звание профессора философии.

Наряду с внутренними факторами на подъем исламизма в Тунисе влияли такие внешние факторы, как гражданская война в

Афганистане, где среди муджахидов, воевавших с афганским просоветским режимом, было немало тунисских граждан, которые впоследствии, вернувшись на родину, примкнули к исламистскому движению. Немалую помощь тунисским исламистам оказывал алжирский «Исламский фронт спасения» (ИФС), с которым руководители тунисского «Возрождения» поддерживали постоянные связи. Тунисские исламисты направлялись для участия в антиправительственных манифестациях, организуемых ИФС в Алжире.

В конце XX в. президенту Бен Али во многом удалось, с одной стороны, подавить исламо-экстремистов, представленных радикальным крылом партии «Возрождение», и, с другой стороны, существенно продвинуться как в плане экономического развития, так и по пути демократизации (хотя некоторые исследователи дают по этому поводу неоднозначные оценки). В то же время тунисское руководство сумело интегрировать часть умеренных исламистов в государственно-политическую систему, в частности, предложив наиболее известным деятелям исламистской оппозиции войти в состав Высшего исламского совета и Социально-экономического совета (совещательный орган при правительстве). Наряду с этим по инициативе президента был выработан «Национальный пакт», в котором подтверждены основные реформаторские законы, принятые в период правления Х. Бургибы, в том числе «Кодекс гражданского состояния». В то же время подчеркивалась принадлежность Туниса к арабско-исламской цивилизации.

Важно подчеркнуть, что тунисское руководство значительное внимание уделяло социально-экономическим вопросам. В результате реализации плана подъема экономики среднегодовой прирост ВВП в Тунисе составляет свыше 5 % (в 2003 г. — 5,6 %), инфляция, составлявшая в период с 1980 по 1988 гг. в среднем 7,7 % в год, к 2003 г. сократилась до 2,7 % [Jeune Afrique 2004: 57]. Процент населения, живущего за чертой бедности (их доход составляет менее 2 долл. США в день) сократился с

7 % в 1987 г. до 4 % в 2004 г. Этот показатель на тот же год в Алжире составлял 15,1 %, в Марокко — 14,3 %, в Египте — 43,9 %.

Процент молодежи в возрасте от 19 до 24 лет, обучающейся в вузах, вырос с 6 % в 1987 г. до 31 % в 2004 г. По числу студентов (в процентном отношении к населению) Тунис занимает одно из первых мест в арабских странах. Достигнут также существенный прогресс в борьбе с неграмотностью. Так, доля неграмотных среди взрослых старше 15 лет в 2003 г. в Тунисе — 17 % мужчин и 37 % женщин. Среди стран-соседей Тунис в этом отношении уступает только Ливии — 8 % (мужчины) и 29 % (женщины). В Алжире этот показатель составляет соответственно 22 % и 40 %, в Египте — 33 % и 56%, в Марокко — 37 % и 62 % [Jeune Afrique 2004: 39]. В этой связи необходимо подчеркнуть, что повышение образовательного уровня населения является важным элементом становления подлинной демократии, причем не только в мусульманской, но и в любой другой стране.

Значительным политическим событием в Тунисе стали проходившие в 2004 г. президентские и парламентские выборы. Им предшествовали проведенные в 2002 г. и одобренные на национальном референдуме изменения в тунисской конституции, согласно которым была сформирована нижняя палата тунисского парламента и упразднены ограничения на переизбрание действовавшего президента на следующий мандат. С 2004 г. в Тунисе были отменены ограничения для пользователей Интернета, большую свободу для своих публикаций получила пресса оппозиционных партий. Лидеры легально действующих политических партий отныне могут официально проводить собрания и митинги своих сторонников и имеют большой доступ к СМИ.

В настоящее время в Тунисе действует девять политических партий, в том числе шесть из них представлены в парламенте и имеют право участвовать в президентских, парламентских и муниципальных выборах. Тем не менее говорить о реальном плю-

рализме в Тунисе еще преждевременно, так как доминирующую роль в общественно-политической жизни играет правящая партия Конституционно-демократическое объединение (КДО) — правопреемница «Социалистической дустуровской партии». Тунисские умеренные исламисты не имеют своей политической партии и соответственно не представлены в парламенте. В то же время видные исламистские лидеры умеренного направления, как уже отмечалось, участвуют в работе Высшего исламского совета и Социально-экономического совета. Однако необходимо отметить, что исламистское движение «Возрождение», отказавшееся от радикальных концепций, продолжает существовать, хотя оно во многом потеряло свое влияние среди тунисцев.

Наряду с «Возрождением» в стране действуют еще несколько немногочисленных исламистских организаций, находящихся на полулегальном положении. Наиболее известной из них является «Партия исламского освобождения», руководство которой находится за пределами Туниса. Можно констатировать, что исламизм в значительной степени потерял свое влияние в тунисском обществе, подтверждением чего служит амнистия и досрочное освобождение в 2005 г. из заключения 73 исламистов, осужденных за участие в антиправительственных манифестациях.

Египет имеет достаточно давние, по сравнению с другими арабскими (и не только арабскими) странами, демократические традиции. Так, например, история египетского избирательного права начинается с 1866 г. с учреждением по инициативе хедива (правителя) Египта Исмаила Палаты депутатов, обладавшей правами законосовещательного органа и избиравшейся шейхами провинций и представителями городских слоев населения. Уже в начале XX в. в Египте действовали такие политические партии, как «Родина» во главе с поборником идей панисламизма Мустафой Кяmileм, «Партия конституционной реформы», «Партия нации», а также «Рабочая» и «Благословенная» социалистические партии [Ланда 2005: 153]. В 1919 г. была сформирована

рована политическая партия «Вафд» (Родина), до сих пор являющаяся одной из наиболее влиятельных.

В Египте существует своя интеллигенция, которая считается одной из самых многочисленных и образованных в арабском мире (в Египте в настоящее время насчитывается 12 университетов, 4 из них — в Каире). В то же время именно в Египте в 1928 г. известным мусульманским деятелем Хасаном аль-Банной была создана ассоциация «Братья-мусульмане», с которой начинается история современного исламизма, а концепции ее идеолога Сейида Кутба используются многими современными исламистскими группировками.

Своеобразным отражением сложности и неоднозначности социально-политической ситуации в Египте стали президентские и парламентские выборы, проходившие здесь соответственно в сентябре и ноябре-декабре 2005 г. Выборы выявили две тенденции в современной общественно-политической жизни страны. Первая — намерение властей пойти по пути демократизации или по крайней мере сформировать демократический имидж Египта в глазах мирового сообщества. Вторая — усиление влияния в египетском обществе исламистского движения. В результате президентских выборов действующий президент Хусни Мубарак (род. в 1928 г.) был переизбран на пятый президентский срок, завоевав 88,5 % [Аль-Ахрам 2005: 1] голосов избирателей и оставив далеко позади девять других претендентов.

Необходимо отметить, что нынешние президентские выборы были первыми в истории Египта альтернативными выборами. В начале 2005 г. по инициативе президента Мубарака путем изменения ст. 76 египетской конституции, ранее предполагавшей выдвижение кандидатуры президента двумя третями депутатов парламента и последующее его утверждение в должности на общенациональном референдуме, была введена система прямых президентских выборов. Такая система предоставляет возможность всем легально действующим политическим силам

участвовать в президентской кампании и соответственно определять внутреннюю и внешнюю политику страны.

Вместе с тем эта возможность только теоретическая, так как реально такой возможностью обладает правящая Национально-демократическая партия (НДП), председателем которой является Хусни Мубарак. В результате парламентских выборов она получила 336 депутатских мест из общего числа в 444. Прошедшие парламентские выборы характеризовались успехом «Братьев-мусульман», получивших 88 мест (в прошлом составе они имели 17)³, и поражением светских оппозиционных либерально-демократических партий, пытавшихся организовать единый блок (наиболее влиятельными в нем были партии «Аль-Гад» (Завтра) и «Кифайя» (Хватит!) и сумевших получить всего лишь 14 депутатских мест.

Нынешние президентская и парламентская кампании проходили в условиях социально-экономического кризиса, обусловленного рядом причин: замедлением экономического роста (3 % в 2004 г.) наряду с довольно значительным демографическим ростом (2,1 %), сокращением иностранных инвестиций, снижением иностранного туризма, высокой инфляцией и ростом цен (40 % в 2003 г.), прогрессирующей безработицей, охватывающей свыше 11 % трудоспособного населения [Jeune Afrique/L'Intelligent 2004: 39]. Примерно 56 млн египтян из 73,4 млн жителей страны живут на доход, составляющий менее 2 долл. США в день [Jeune Afrique/L'Intelligent 2005: 78]. Эта категория граждан может существовать только благодаря субсидиям государства на продовольственные товары. Такая ситуация способствует усилению влияния исламистов, особенно среди неимущих слоев египетского общества.

³ Политическая деятельность ассоциации «Братья-мусульмане» запрещена египетскими властями с 1954 г., тем не менее «Братья» принимают участие в парламентских выборах, выставляя своих кандидатов в качестве независимых.

Продолжающееся доминирование США на мировой арене, характеризующееся поддержкой Израиля в палестинско-израильском конфликте и силовым давлением на мусульманские страны, не подчиняющиеся американской политике, воспринимается частью мусульман как война против ислама, что приводит в ряды исламистов наряду с египтянами из беднейших слоев представителей интеллигенции и имущих классов.

Египетским властям удалось подавить основные радикальные исламистские группировки, а именно — «Исламские группы» и «Исламский джихад». Впрочем, в Египте все еще случаются отдельные террористические акты, совершаемые радикальными исламистами. Так, в 2005–2006 гг. были совершены взрывы в туристических гостиницах в районе г. Шарм-эль-Шейх (на побережье Красного моря), в результате которых погибли около 20 и ранены около 100 египтян и иностранных граждан.

Что касается умеренных исламистов, представленных, в первую очередь, «Братьями-мусульманами», то они после успеха на парламентских выборах становятся главной политической оппозицией правящей НДП. Лозунгом «Братьев» продолжает оставаться «Ислам есть решение». Новая генерация руководства «Братьев» состоит в большинстве своем из представителей технической и гуманитарной интеллигенции, и, судя по их официальным заявлениям, «Братья-мусульмане» достаточно эволюционировали в своих политических взглядах. Их программный документ, обнародованный в марте 2004 г. и озаглавленный «Инициатива об основных принципах реформ в Египте», по своей сути не отличается от политических программ других оппозиционных партий и включает в себя такие пункты, как «уважение политических и гражданских свобод, ограничение полномочий президента, гражданский контроль над деятельностью силовых структур и армии» [www.weekly.ahram, 15.10.2006]. В отношении концепции исламского государства в Египте глава «Братьев-мусульман» Махди Акеф в интервью наиболее популярной египетской газете «Аль-Ахрам», заявил,

что «исламское государство не может быть создано в отсутствие свободы волеизъявления народа. Первое, что мы требуем, — это предоставить такую свободу, а затем народ сам изберет форму государственного устройства» [www.weekly.ahram, 13.10.2006].

Отношение к «Братьям-мусульманам» в египетском обществе неоднозначное. Часть египтян, в первую очередь копты, выражают беспокойство по поводу роста влияния «Братьев» и считают их заявления о приверженности демократическим принципам предвыборной тактикой. В то же время многие египтяне поддерживают «Братьев» и склонны расценивать их эволюцию как новую стратегию, отвечающую духу времени.

В этой связи можно отметить, что, несмотря на попытки властей ослабить «Братьев-мусульман», они после успеха на парламентских выборах становятся главными оппонентами правительства Мубарака и имеют теоретическую возможность в случае успешного для них исхода муниципальных выборов (они были перенесены с февраля 2006 на 2008 г.) выставить своего кандидата на президентские выборы 2011 г.

Исламизм как направление общественной мысли, существующее в арабо-мусульманском мире, на наш взгляд, не является препятствием на пути демократизации и тем более не является антагонистичным по отношению к ценностным ориентирам западного общества. Умеренный исламизм, являясь, в частности, элементом национальной самоидентификации, может адекватно интегрироваться в демократическую государственно-политическую систему. В то же время поспешный и не подготовленный во всех отношениях переход к широкой демократизации может иметь непредсказуемые, а иногда и трагические результаты, о чем свидетельствует недавний исторический опыт арабских стран, в частности Алжира.

Вряд ли существует универсальная для всех обществ модель демократии. Наряду с этим, как справедливо указывает видный французский исследователь Ф. Бюрга, «базовые основополагающие цивилизационные ценности человечества явля-

ются общим наследием всех культур, религий и цивилизаций» [Burgat 2005: 65]. Исходя из вышесказанного, логично сделать вывод о том, что, если современная западная демократия сформировалась на исторической основе христианства, то демократия в арабо-мусульманском мире должна структурироваться на основе мусульманской культуры. Причем эта демократия, как и мусульманское общество в целом, будет иметь черты и особенности, присущие культурно-историческим традициям исламской цивилизации. В мусульманских странах факторы, влияющие на демократические процессы (исторические традиции, менталитет, национальная психология, а также уровни образовательный, обеспеченности населения, политической культуры, демократических традиций), достаточно сильно отличаются от таковых в странах Запада.

Таким образом, демократия, если рассматривать это явление не только как способ государственно-политического устройства, а в более широком смысле, как модель функционирования общественного организма, всегда будет соответствовать специфике исторического развития, традициям, национальной психологии и менталитету, а также уровню развития гражданского общества и не может являться единой для всех этносов.

Литература

- Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.
- Видясова М.Ф. Джихад без войны. Кн. 2, т. 1. М.: ИСАА при МГУ, 2005.
- Долгов Б.В. Исламистский вызов и алжирское общество. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004.
- Ланда Р.Г. Международный форум востоковедов и африканистов в СПб // Восток (Oriens). 2006. № 4. С. 157–162.
- Ланда Р.Г. История арабских стран. М.: Восточный университет, 2005.

Burgat F. Al-Qaida or the Transnationalisation of an Islamic resistance to the Globalisation of the Maintenance of «American Order» // Arabia Vitalis. М.: Институт востоковедения РАН, 2005.

Jeune Afrique. P., 2006. No. 2362.

Jeune Afrique/L'Intelligent. P., 2003. No. 2222–2223.

Jeune Afrique/L'Intelligent. P., 2004. No. 2284.

Jeune Afrique/L'Intelligent. P., 2004. No. 2285.

Jeune Afrique/L'Intelligent. P., 2004. No. 2245.

Jeune Afrique/L'Intelligent. P., 2005. No. 2332.

Willis M. The Islamist Challenge in Algeria. A Political History. N.Y.: New York University Press, 1997.

www.weekly.ahram.org.eg/print/2006/815eg2.htm 15.10.2006.

www.weekly.ahram.org.eg/print/2006/813eg5.htm 13.10.2006.

Аль-Ахрам аль-яум. Аль-Кахира. 10.09.2005 (Аль-Ахрам сегодня. Каир. 10.09.2005 — на арабск. яз).

Аль-Барнамадж ат-такмилиий ли-даам ан-нумув. Фатрат 2005-2009. Аль-Джазаир. 2005. 48 с. (Дополнительная программа поддержки развития. Период 2005–2009. Алжир. 2005 — на арабск. яз. 48 с.)